

Братерский М.В.¹

Введение. Фрагментация vs глобализация

Аннотация. С 2008 г. началось постепенное торможение и отступление глобализации, т.е. процесса экономической, социальной и политической интеграции, поддержанной ускорившимся технологическим прогрессом, особенно заметным в области цифровых технологий. В последнее десятилетие некоторые влиятельные политические и общественные деятели активно выступали против глобализации – как из-за неприятия власти транснациональных корпораций и постепенного размывания национальных идентичностей и культур, так и из-за определенных негативных экономических последствий, проявившихся в ходе глобализационных процессов. Другие увидели в глобализации опасность, чреватую установлением внешнего контроля над своими территориями, ресурсами и национальными валютами. Пандемия COVID-19 существенно углубила многочисленные разрывы, возникшие в мирсистеме к началу 2020-х годов, были нарушены логистические цепочки, остановились многие производства. Правительства практически всех развитых стран были вынуждены выделять огромные средства на спасение своих компаний и поддержку домохозяйств, для чего пришлось прибегнуть к эмиссии, спровоцировав глобальную инфляцию. На фоне экономических неприятностей резко обострились конфликты между государствами «коллективного» Запада и Россией вкупе с кон-

¹ Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором, ИНИОН РАН; mbratersky@hse.ru

фликтами между странами Запада и арабским миром, а также с Китаем. В целом сложившаяся ситуация обозначила переход к созданию новой многополярной системы, разворот в глобализации и начало фрагментации мира на экономические, политические, технологические и валютные единицы. Мир вновь вернется к объединению через десятилетия, но, видимо, в формирующейся многополярной системе это будет выглядеть по-другому, чем сегодня.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, фрагментация, геоэкономические блоки, многополярность.

Дискуссия о том, в какой степени мир интегрирован и един, а в какой – разобщен, идет столько же времени, сколько существует международная политическая экономия, т.е. как минимум с 1970-х годов. Лейтмотив дискуссии всегда был связан с пониманием того, что интеграция (глобализация) является противоречивым процессом, который вряд ли когда-нибудь увенчается полным единством глобальной экономики и становлением глобального человеческого общества [Hirst, Thompson, 2002 ; Gilpin, 2000]. Глобализация шла и идет извилистым путем, иногда замирает на месте, а иногда и разворачивается вспять, как это было в период между двумя мировыми войнами. Сегодня, кажется, опять наступил такой период.

В процессах глобализации всегда присутствуют разноправленные тенденции, и сегодня преобладает тенденция на деглобализацию, обособление, формирование отдельных политических блоков, экономических союзов и геоэкономических регионов.

Понимание мира как единой системы возникло сравнительно недавно и во многом было (и остается) мечтой, видением будущего глазами некоторых визионеров [Friedman, 2006]. Это видение нашло понимание у части политических элит, которые сегодня иногда называются глобалистскими [Scholte, Verhaegen, Tallberg, 2021], и в определенный период составляло мировоззренческую основу политической стратегии группы стран, которые в наибольшей степени выигрывали от глобализации и предполагали, что так будет продолжаться и дальше. А поскольку трансформация мира в единую систему предполагала повсеместное утверждение единых правил и стандартов, для чего необходима военная и политическая мощь, решительность и наличие подконтрольных международных

институтов, управленческую функцию взял на себя «коллективный» Запад, обладавший соответствующими ресурсами и доминировавший в мире с конца 1980-х годов в политическом, экономическом и военном плане.

Мир двинулся к «концу истории», препятствия на пути к «дивному новому миру» либо разрушались сами (СССР), либо ликвидировались (Югославия, Ливия, Ирак). Глобальные экономические силы шили мир воедино, преодолевая национальные интересы и местное регулирование; университеты, школы и пропаганда воспитывали «нового человека», а международные институты усердствовали в проведении в жизнь глобальной повестки в вопросах экономического развития, распространения демократии и укрепления системы глобального управления на основе транснациональных корпораций, разнообразных неправительственных организаций и прочих вненациональных единиц.

Но внезапно единый напор глобализации пропал. Поворотным моментом, видимо, можно считать глобальный кризис 2008 г., когда механизмы глобализации дали сбой, а люди, управлявшие глобальными экономическими процессами, продемонстрировали свою безответственность и профнепригодность. Окончательную точку в нынешнем этапе объединения поставила пандемия COVID-19, существенным образом разобщившая различные государства и группы государств и поставившая под вопрос международное сотрудничество как таковое.

Что же пошло не так?

Ничего принципиально нового не произошло: силы национальной и региональной природы, всегда присутствовавшие в глобальных политических и экономических раскладах, но в последние десятилетия сдававшие свои позиции, окрепли и нанесли ответный удар. Этому способствовали следующие обстоятельства:

Во-первых, от глобализации стала выигрывать не та группа стран (или часть населения Земли), ради процветания которой задумывалась нынешняя волна глобализации, а страны и народы, которые не входили в «ядро» мировой системы. Нет, никто никогдa не заявлял, что глобализация будет выгодна прежде всего «коллективному» Западу. Более того, либеральная мысль настойчиво продвигала тезис о том, что от глобализации выиграют все. Однако все же подразумевалось, что «коллективный» Запад (или

Север в альтернативном дискурсе) выигрывает больше, а все остальные – меньше. Но получилось наоборот: выяснилось, что в рамках придуманных Западом правил свободной торговли и экономической интеграции действительно происходит переток капитала и технологий, глобальное перераспределение богатства, но – о ужас! – это происходит не в пользу того, кого надо. И что особенно неприятно – больше выигрывают страны, которые Запад не признает демократическими и равными себе.

Во-вторых, изменилось и продолжает меняться распределение сил на планете. В полном соответствии с тезисом о неравномерном развитии капитализма, рассмотренным Марксом в «Капитале» и Лениным в «Развитии капитализма в России» и сравнительно недавно обретшим новое прочтение в концепции «растущих держав» (англ. emerging powers) [Kennedy, 1987 ; Renard, Biscop, 2013], такие страны как Китай, Индия, Россия, Индонезия и другие наращивают свою экономическую, военную и технологическую мощь гораздо быстрее, чем страны «ядра» мировой капиталистической системы. Соответственно, странам «ядра» становится все труднее доминировать в политической и военной сферах, и, следовательно, им не хватает ресурса для поддержания политического каркаса выгодной для них глобализованной экономической системы. У «ревизионистских» держав пока нет сил и воли попытаться кардинально изменить мировую политическую и экономическую систему, но сил и воли уже хватает на то, чтобы обособить отдельные ее участки и преобразовать их в соответствии со своими интересами и желаниями (БРИКС, «Один пояс – один путь», ЕВРАЗЭС). Страны «ядра» также стремятся некоторым образом обособиться от стран, не желающих играть по западным правилам (и выигрывающим у Запада в конкурентной борьбе). Видимо, первые шаги в этом направлении сделал Б. Обама (проекты Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и Транстихоокеанского партнерства), сегодня на первый план выходят проекты типа оборонного соглашения AUKUS.

В-третьих, мир слишком разнообразен, и даже при всем желании (которого на самом деле нет) придумать устраивающие всех правила невозможно, и, например, кризис в ВТО тому свидетельство. Мировая система не смогла преодолеть кризис управления, глобальные институты управления показали свою несостоятель-

ность, национальные государства все больше предпочитают ориентироваться на собственную выгоду, договариваться только с действительно важными для себя партнерами и только по вопросам, представляющим взаимный интерес. Мировую конституцию и торговый кодекс так и не придумали и в обозримом будущем не придумают. Вместо создания мирового правительства, о чем мечтали глобалисты в 1990-х годах и чего боялись национально ориентированные политические деятели, произошло размытие существующих структур глобального управления. ООН, ВТО, МВФ уже никому не указ за исключением частных случаев; единственное, что работает (и то не всегда), – это двусторонние договоренности и многосторонние договоренности с ограниченным участием.

В-четвертых, национальные государства вернулись на политическую арену, а долгое время доминировавший дискурс об исчезновении национального государства сошел на нет. Выяснилось, что в отсутствие эффективного национального государства процессы экономической, социальной и культурной глобализации приносят скорее вред, нежели пользу, не способствуют укреплению безопасности и повышению благосостояния граждан. Общества стали делиться на группы – меньшинство, выигрывающее от глобализации, и большинство, которое в лучшем случае от глобализации ничего не получает. Первая группа относительно более многочисленна в странах «ядра» и гораздо более маргинальна в странах «глобального Юга». Большинство граждан ищет защиту и поддержку именно у национального государства, которое старается взять силы глобализации под свой контроль, подрывая тем самым глобальную систему.

В-пятых, по аналогии с тем, как в прошлом не получилось воспитать «советского человека», так и сейчас пока не получилось массово сформировать «глобального человека», «человека мира», оторванного от своих национальных и культурных корней. Таких людей много, но подавляющее большинство все же цепляется за свою идентичность, и даже эмиграция ничего не меняет: например, эмигранты из Африки так и не стали французами, а немецкие турки – немцами. В этих условиях усиливается если не ксенофобия, то культурное охранительство и изоляционизм, к власти приходит новое поколение национально ориентированных политиков, для которых национальные интересы значат больше, чем устрем-

ления глобальных элит. Меняется политическая парадигма, трансформируется политическая идеология, идеи всеобщности и универсализма теряют свою привлекательность.

Как проявляются эти процессы в политической практике и ее концептуальном осмыслении?

В политический лексикон уже давно вошли понятия «многополярность» (его ввел в оборот, по-видимому, Г. Моргентай [Morgenthau, 1948], в России – Е. Примаков [Арбатов, 2000]), «мегарегион» [Riise, 2021], «экономика размером с континент» [Palan, Abbott, Deans, 1996], «мультиплексность» [Acharaya, 2023]. В целом эксперты сходятся во мнении, что на смену американскому «лидерству» (или доминированию) приходит сложная сетевая система взаимодействий, где разные страны будут по-разному взаимодействовать с разными партнерами в разных сферах.

В каком-то смысле эту систему можно охарактеризовать как многополярную, поскольку у нее будет множество центров-полюсов в разных функциональных областях. Будут страны с большим военно-политическим влиянием, но с меньшим влиянием в сфере торговли или технологий. Будут страны-карлики в военной области, но обладающие финансовой мощью или авторитетом в области медицины.

В этой системе связей найдется место и крупным геоэкономическим блокам, сформированным вокруг Соединенных Штатов, Китая и, возможно, каких-то других стран. Но эти блоки не будут связаны внутренней дисциплиной, подобно тому, как это было во времена холодной войны, и страны на периферии блоков будут находиться в постоянном поиске, выстраивая отношения с неприсоединившимися странами и участниками других блоков. Существенная часть мира (возможно, большинство стран) ни в какие блоки не войдет и будет проводить оппортунистическую политику. Институты глобального управления во многом уступят свои функции региональным, блоковым и ситуационным институтам. Набор валют, используемых в мировой экономике, как и количество региональных правил и режимов, будет расти. Такому переходу поможет прогресс в цифровых технологиях, который снимет технические ограничения, прежде делавшие американский доллар столь важным и необходимым.

Сейчас в мире формируется система, напоминающая ковер из листьев: какие-то листья накладываются на другие, а другие листья накрывают их, частично или полностью. Под воздействием ветра какие-то листья будут перемещаться относительно других. Какие-то опорные точки – деревья и кусты, представленные полюсами силы, – будут по-прежнему удерживать ковер из листьев в некоем стабильном положении, в то время как отдельные его части будут постоянно менять свое положение.

Для описания меняющегося мира понадобится новая терминология и новый взгляд на вещи; в центре внимания уже не будут находиться понятия «Запад», «Север», «Азия» и т.п. Очередная волна глобализации и универсализма проходит, мир подбирает другие, более комфортные формы существования и взаимодействия. Подобные откаты уже не раз происходили в истории, и мы знаем, что отступление глобализации – не навечно. Последняя пауза в глобализации продолжалась от начала Первой мировой войны до 1970-х годов. Можно предположить, что в этот раз пауза будет короче. Рано или поздно объединительные тенденции вновь возьмут верх, и мир вернется к политике интеграции.

Но, видимо, это будет выглядеть по-другому, чем сегодня. Вряд ли этими процессами станет руководить единый центр, разве что такой центр удастся создать при достаточно равноправном участии крупных государств и региональных блоков. Многополярный мир не станет полностью демократичным – в том смысле, что у всех стран и блоков, больших и малых, будет возможность влиять на конечные решения. Абсолютно демократичной мировой системы никогда не было, вряд ли она появится и сейчас. Вместе с тем в многополярной системе исчезнет гегемония, и интересы любой державы или блока будут уравновешиваться интересами других: в каком-то смысле таким образом можно восстановить схему Совета Безопасности ООН, который был сконструирован, среди прочего, для предотвращения монополизации власти одной державой. Парадоксально, что Соединенные Штаты, создавшие ООН вместе с другими государствами – победителями во Второй мировой войне и на словах пропагандировавшие многосторонность, не удержались от соблазна и «подмяли» этот институт под себя, как только предоставилась возможность. В многополярном мире такая

возможность должна быть исключена (хотя бы на какой-то более-менее продолжительный период).

Новая мирсистема не будет характеризоваться большей стабильностью, чем однополярный мир 1990–2000-х годов. Однако стоит напомнить, что стабильность «однополярного момента» была искусственной и насильственной. Никакие существенные решения в политической или экономической сферах были невозможны без согласования с Вашингтоном, а национальным государствам предлагалось оставаться в тех экономических и политических нишах, которые были им выделены, и отказаться от попыток и перспективы собственного развития.

Экономическое устройство многополярного мира и его правила, как и прежде, будут основаны на некоем мировом политическом порядке. Сейчас как раз развернулась борьба, в том числе на территории Украины, по поводу того, каким будет этот порядок и какое место займут в нем конкретные страны или блоки. Либо – если победит «коллективный» Запад – восторжествует новая версия нынешнего «порядка, основанного на правилах» (президент Дж. Байден уже заявил, что Соединенные Штаты готовы возглавить строительство нового мирового порядка [Biden, 2023]), и в таком случае для России и некоторых других стран и блоков места в нем не найдется. Либо Россия и в целом неамериканский мир отвоюют для себя и для других достойное место в новом мировом порядке. Собственно, поэтому украинский конфликт и находится сегодня в центре внимания мировой политики, так как все понимают, что цели и масштабы развернувшейся борьбы гораздо шире, чем просто решение локальных вопросов безопасности.

В то же время идет борьба (с использованием как экономических, так и политических методов) и за экономическое преустройство мира. На экономическом фронте предстоит решить многие важные вопросы. Как будет осуществляться международный валютный обмен, будет ли он по-прежнему монополизирован или у него появится многосторонняя основа? Будут ли в будущей мирсистеме по-прежнему применяться односторонние санкции, или они будут объявлены вне закона? Кто будет контролировать мировую логистику – по-прежнему группы западных глобальных компаний, или незападные игроки и проекты (вроде Северного морского пути) отвоюют свое место в этой сфере? Будет ли разрушена

западная монополия на морское страхование? Будет ли глобальный рынок в целом демонополизирован? Что будет происходить с обменом технологиями? Вопросов много, но их решение находится в политической области, а не в экономической.

Авторы, чьи статьи представлены в данном номере журнала, с одной стороны, пытаются набросать общие контуры происходящих перемен в масштабе всемирной системы, с другой – анализируют составляющие ее фрагменты самой разной природы: объединения стран, отдельные достаточно влиятельные державы, связки из нескольких стран в области безопасности и инвестиций, формирующиеся клубы в области энергетики. В данном случае не ставится задача подробно описать все возникающие вариации, замысел состоит скорее в том, чтобы продемонстрировать примеры, показывающие, на какие элементы расщепляется мировая система (если, конечно, согласиться с тем, что такая единая система вообще когда-то существовала). Разумеется, такой подход имеет достаточно фрагментарный характер, но, надеемся, читатель найдет на страницах журнала интересный для себя материал.

Литература / References

Арбатов А. (2000). Национальная безопасность России в многополярном мире // Мировая экономика и международные отношения / РАН, ИМЭМО. – Москва. – № 10. – С. 21–28 [Arbatov A. (2000). Russia's national security in the multipolar world. *[Nacional'naja bezopasnost' Rossii v mnogopoljarnom mire]* // World economy and international relations / RAS, IMEMO. – Moscow. – N 10. – P. 21–28]. (In Russian).

Acharya A. (2023). Multipolar or multiplex? Interaction capacity, global cooperation and world order // International affairs. – Oxford : Oxford univ. press. – Vol. 99. Issue 6. – P. 2339–2365.

Biden J. (2023). Remarks at a Campaign Reception / The White House. – Washington, D.C. – 20.10. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-3/> (date of access: 29.11.2023).

Friedman Th.L. (2006). The world is flat : a brief history of the twenty-first century. – New York : Farrar, Straus and Giroux. – 616 p.

Gilpin R. (2000). The challenge of global capitalism : the world economy in the 21st century. – Princeton, NJ : Princeton univ. press. – 408 p.

Hirst P., Thompson G. (2002). The future of globalization // Cooperation and conflict / Nordic international studies association. – Thousand Oaks, CA : Sage. – Vol. 37. Issue 3. – P. 247–265.

Kennedy P. (1987). The rise and fall of the great powers. – New York : Random House. – 678 p.

Morgenthau H.J. (1948). Politics among nations : the struggle for power and peace. – New York : Alfred A. Knopf. – 490 p.

Palan R., Abbott J., Deans Ph. (1996). State strategies in the global political economy. – London : Pinter. – 256 p.

Renard T., Biscop S. (2013). The European Union and emerging powers in the 21st century : how Europe can shape a new global order. – London ; New York : Routledge. – 226 p.

Riise K. (2021). The complex world order / RIAC. – Moscow. – 05.10. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/blogs/kriise/the-complex-world-order/> (date of access: 29.11.2023).

Scholte J., Verhaegen S., Tallberg J. (2021). Elite attitudes and the future of global governance // International affairs. – Oxford : Oxford univ. press. – Vol. 97. Issue 3. – P. 861–886.

DOI: 10.31249/ape/2024.01.01

Bratersky M.V.¹

Introduction. Fragmentation vs globalization

Abstract. Since 2008, a gradual slowdown and retreat of globalization began, that is, the process of economic, social and political integration supported by accelerated technological progress, especially noticeable in the field of digital technologies. In the last decade, some influential political and public figures have actively opposed globalization, both because they disagreed with the omnipotence of transnational corporations and with the gradual erosion of national identities and cultures, and because of certain negative economic consequences that have emerged during globalization processes. Others saw globalization as a danger, fraught with the establishment of external control over their territories, resources and national monetary systems. COVID-19 pandemics deepened the gaps in the world system, global logistics were destroyed, many companies were shut down. Governments of advanced countries were forced to allocate huge funds to save their companies and support households, but provoked global inflation.

¹ Bratersky Maxim Vladimirovich – ScD in Political Sciences, Leading Researcher, Head of Sector, INION RAN; mbratersky@hse.ru

Together with the growing economic difficulties, the conflicts between the West and Russia, coupled with conflicts between Western countries and the Arab world, as well as with China, marked the transition to the creation of a new multipolar system, the total reversal of globalization and the beginning of the fragmentation of the world into economic, political, technological and monetary units. The world will unite again in a few decades, but, apparently, in the emerging multipolar system this will look different than it does today.

Keywords: globalization, deglobalization, fragmentation, geo-economic blocs, multipolarity.

Статья поступила в редакцию (Received) 19.11.2023

Доработана после рецензирования (Revised) 22.11.2023

Принята к публикации (Accepted) 27.11.2023